

"Восемь с половиной женщин" и сердце дьяволу в залог

Культура. — 1999. — 5-11 авг. — с. 11

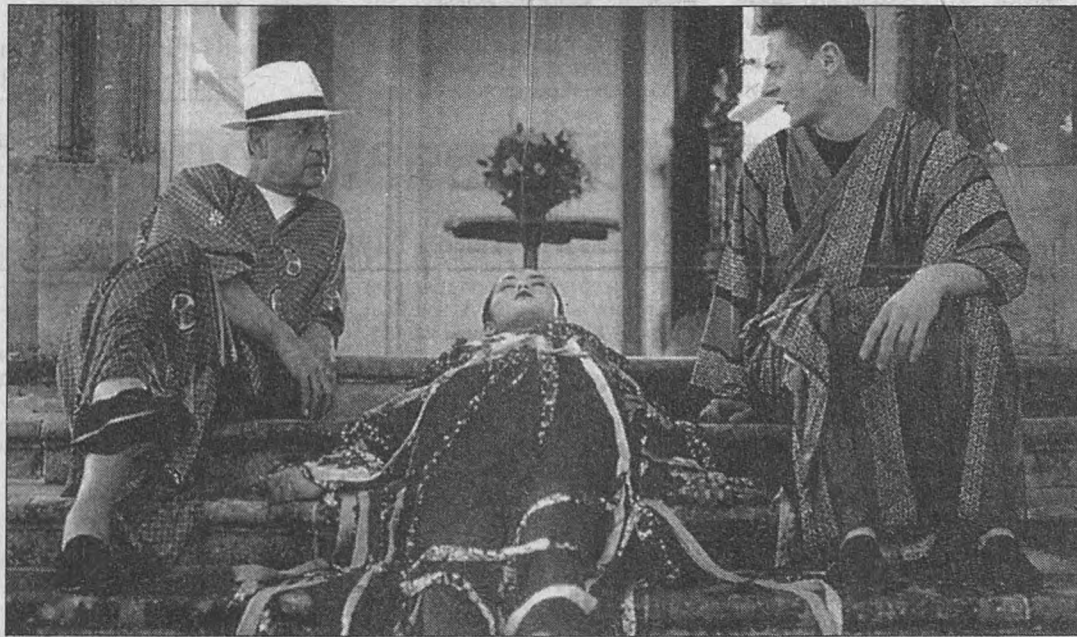
Новый фильм Питера Гринуэя

"Восемь с половиной..."? Конечно, прямая отсылка к великому фильму и дань уважения Федерико Феллини. Семь лет назад в интервью одному из французских киножурналов он говорил, что "восхищается всеми фильмами Феллини... по крайней мере, снятыми до "Джульетты и духов".

Гринуэй в своем творчестве отвергает принцип сопереживания зрителя и автора с героями фильма. "Я хочу, — уточняет он, — чтобы вы смотрели на людей, которых я снимаю, чтобы вы понимали этих людей, но я не хочу, чтобы вы стремились отождествлять себя с ними". Он как сторонний наблюдатель, как ученый с микроскопом только рассматривает живые особи и мертвую природу, попавшие в фокус его кинокамеры.

Эксцентричный англичанин, эстет и интеллектуал, ироничный и даже циничный, он начинал свой творческий путь как художник и, не оставляя занятия живописью, продолжил его как кинорежиссер. Каждый кадр его кинолент — это в прямом смысле слова живописное творение. "Я сознательно выстраиваю свои фильмы так, — объясняет он, — чтобы каждый план был композицией, одновременно и красивой, и сложной, и насыщенной динамизмом..."

Географическая ось его "инвентаризации" в новом фильме объединяет Киото и Женеву. Иными словами, Восток и Запад. А каталог обозрения — женщины, точнее, их

Кадр из фильма

наиболее рельефно обозначившиеся типы, ставшие знаками, символами, олицетворениями "мужских сексуальных фантазмов". Звучит шокирующе. Но Гринуэй снова разъясняет, что стиль его нового фильма "скорее всего отсылает к американским комедиям тридцатых годов, имеющим только окраску сексуальности, и к французскому кино, которое предваряет сцены

любви "переговорами", и предпочитает диалоги сексуальным актам".

Но в чем конкретно и почему Киото и Женева? В картине два основных персонажа. Фантастический богатый женевский делец Филипп Эмменталь и его взрослый сын Сторэй. Отец в неутешном горе: умерла жена, с которой он как верный супруг прожил много лет. Сын старается вывести отца из де-

прессии, убедить, что его жизнь не кончилась, и занимается... сексуальным воспитанием родителя.

В Женеве Эмментали владеют роскошным старинным особняком, который они теперь превращают в публичный дом для избранных. Этому способствует остановка, сложившаяся в городе после падения Берлинской стены. Сюда хлынул поток беглянок из стран Вос-

точной Европы, среди которых распространилась легенда о Женеве как рае, где легко можно получить спокойное убежище.

А в Киото и других дворцах праздности и азарта, которые особенно охотно посещаются женщинами, легкомысленные бабочки, летящие на огонь, нередко попадают в колеса гигантской беспощадной машины игорного бизнеса и бывают принуждены расплачиваться за проигрыш, как говорится, "натурой".

В "салонах Пачинко" и на берегу озера Леман отец и сын вспоминают, воссоздают и "коллекционируют" восемь с половиной своих "фантазмов", а точнее, женских архетипов, которые на протяжении столетий сформировались и ныне формируются в литературе, живописи, театре, кино... Из небытия вызываются Мадам Баттерфляй, восточная женщина, околдовавшая западного мужчину; и одалиски Матисса, образ английских сказок и классической мифологии леди Годивы, которая нагой проехала верхом на коне через весь город, ибо такое условие поставил перед нею ее жестокий муж в ответ на ее просьбу облегчить налоговое бремя горожан... Гринуэй перечисляет знаменитейших писателей, художников, композиторов, которые создавали подобное же, — Делакруа, Энгр, Флорбер, Штраус, Джордано, Рубенс, Шагал и еще, и еще... В кино — Луиз Брукс, Мэрилин Манро... И, конечно, хоровод женщин Мар-

челло Мастроянни в феллиниевских "8 1/2". Однако ошеломляющее живописное роскошество экрана, неистощимость фантазии Гринуэя, виртуозность его собирания и демонстрации различных образцов и примеров овладевших воображением художника фантазмов оставляют зрителя лишь любопытствующим созерцателем флеретической панорамы...

По некоторым сведениям, Гринуэй хочет снять немой фильм, комедию, "чистый бурлеск" в стиле и в знак особого уважения Чарли Чаплина. Это было бы любопытно. Но Чаплин и Феллини — великие гуманисты, вдохновенные служители десятой музы. Музы кино. Первый из этих гениев в начале нашего века привел киномузу в пространство Великого немого, как тогда называли кино, и оно в своей немоте открыло миру Душу человеческую. Второй подвел некую черту под историей киноискусства на исходе этого столетия и оставил ему в завещание улыбку высшей духовности — улыбку сквозь слезы Джульетты Мазини. Питер Гринуэй, если судить по тому, что он предлагает в последнее время, может подарить нам новую серию "ума холодных наблюдений", но, увы, не "сердца горестных замет". Интеллект компьютерного века отдает ему, как дьяволу, в залог свое сердце.

Георгий КАПРАЛОВ

Канн — Москва